

Борис Фирсов

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Роль разномыслия в судьбах советского и постсоветского общества представляется крайне важной. Оно помогло разрушить броню принудительного единодушия, в которую страна и народ были закованы репрессивным сталинским режимом. И хотя в сути своей современный человек остался уязвимым, ничуть не прибавив эмоционально, душевно, интеллектуально, все же след от высвобождения энергии разномыслия сохранился в форме обертонов нового мирочувствия — «длящегося отторжения от какой бы то ни было единой доктрины, общей идеологии, от маршировки строем»¹. Согласие с такого рода выводом подтвердили участники презентации моей книги *«Разномыслие в СССР. 1940–1960-е годы: История, теория и практики»*, состоявшейся в апреле 2008 г. в стенах Европейского университета в Санкт-Петербурге. Читатели, которым по какой-либо причине не удалось присутствовать на презентации, смогут прочесть расшифровку магнитофонной записи этого события (см.: Приложение к настоящему сборнику).

Тогда же было решено продолжить обсуждение проблем разномыслия. В мае 2009 г. в ЕУСПб была проведена научная конференция *«Разномыслие в СССР и России (1945–2008)»*. Она позволила выявить новые и перспективные точки зрения и подходы к феномену разномыслия, что повлияло на решение ученого совета ЕУСПб издать сборник материалов конференции — доклады ее участников и выступления дискуссионтов. Кратко представляю эти тексты.

¹ Вайль П. Карта родины. М.: КоЛибри, 2007. С. 11–12.

Конференция открылась знаковым докладом **Арлена Блюма** (Санкт-Петербург) *«Настроение ленинградцев в связи с началом Второй мировой войны: август–сентябрь 1939 г. (По донесениям осведомителей НКВД)»*. Автор долгое время разделял популярный в кругу его коллег и друзей безнадежно-пессимистический взгляд на тотальное «единомыслие», безраздельно царившее в сообществе советских людей. Обнаруженные им в архиве негласные донесения агентуры Управления НКВД по г. Ленинграду и Ленинградской области (число их можно умножить в десятки раз), а также ряд ценных исследований последних лет заставили скорректировать это мнение. В многострадальном предвоенном Ленинграде нашлось тогда немало людей — и не только в элитарных кругах научной и художественной интеллигенции, но и среди так называемого простого народа, — проявивших в разговорах абсолютное бесстрашие. Лейтмотив подслушанных осведомителями разговоров — недовольство незаконным вторжением в Польшу, осуждение Пакта Молотова–Риббентропа. И это — после событий, терроризировавших город: после «кировского призыва», как стали называть массовые аресты и высылку «бывших» в результате убийства Кирова в декабре 1934 г., и, разумеется, после гигантской волны репрессий 1936–1938 гг.

Обсуждение *первой* темы, *«Концептуализация разномыслия»*, предусмотренной программой конференции, началось с выступления **Виктора Воронкова** (Санкт-Петербург) *«25 февраля 1956 года — начало “разномыслия” в СССР»*. По мнению докладчика, до даты, вынесенной в заголовок сообщения, разномыслия как явления общественного в стране не было, оно не существовало ни в публичном, ни в приватном пространстве. С одной стороны, из-за страха: любое высказывание, не совпадающее с одобренными образцами, могло повлечь репрессии. С другой стороны, сформировались уже индоктринированные поколения, у которых разномыслия не было в принципе. Однако в середине 1950-х гг. коммуникационное пространство изменилось. Появляется защищенная приватная сфера и особая часть публичного пространства — приватно-публичная сфера. Разные мысли стало возможным выражать по трем причинам. Во-первых, сам факт антисталинского доклада Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 г. послужил прецедентом для возможности критиковать власть и прямым сигналом к инициации этой критики. Во-

вторых, репрессии за выражение нелояльности к режиму после смерти Сталина ослабли. В-третьих, появилось защищенное пространство для обсуждения разных мыслей вследствие переселения больших масс людей из коммунальных квартир в отдельные. Разномыслие, по мнению автора, не разрушало режим, а, напротив, способствовало его укреплению благодаря жесткой границе между официальной, публичной, и публично-приватной сферами и молчаливой договоренности граждан с государством относительно «священности» этой границы.

Доклад **Андрея Алексеева** (Санкт-Петербург) *«Разномыслие как социологическое понятие и характеристика социума (опыт теоретического рассмотрения)»* явился продолжением дискуссии о новом понятии. Автор предложил трактовать его как ментальный плюрализм (разнообразие ментальностей в рамках социума или социальной группы). В указанном контексте разномыслие является характерной чертой гражданского (развивающегося) общества в отличие от общества тоталитарного (стагнирующего). Однако тоталитарный режим, несмотря на «богатый арсенал» средств для «промывания мозгов» и наличие репрессивных механизмов, оказался неспособным искоренить разномыслие социальной среды.

«Циклы и периоды разномыслия в СССР и постсоветской России» — тема доклада, с которым выступил **Борис Фирсов** (Санкт-Петербург). Разномыслие изменяется по тем же правилам, что и самосознание общества. Поэтому можно говорить о его определенных циклах. Катакомбный период советского цикла разномыслия охватывает последние годы сталинской власти и период хрущёвского правления — времена, отмеченные печатью неготовности общества к восприятию идей либерализации, когда «путь у всех по-прежнему был один». Следующий период советского цикла разномыслия пришелся на застойное брежневское время. Брожение умов в эту пору стало причиной ряда переходов, каждый из которых необратимо приближал крах советской идеи. Последний цикл советского разномыслия совпал с эпохой горбачёвской перестройки и гласности, когда началось болезненное разрушение советской системы, а имевший место формационный сдвиг вызвал «глубочайший культурный разрыв». Новая тема социологии XXI века — постсоветский цикл

разномыслия. Спонтанность, а лучше сказать, самопроизвольность выражения мнений и настроений в ельцинское время заметно контрастирует с попытками президента В.В. Путина придать многим проявлениям социальной жизни, включая широко понимаемое волеизъявление народа, регламентный, «разрешительный» характер.

Доклад **Евгении Лёзиной** (Лука, Италия/Россия) «**«Недомысленное» разномыслие постсоветской России?**» опирается на убеждение автора, что разномыслие все же подразумевает не только попытки отдельных индивидов ослабить властный контроль и остаться «самими собой» в условиях государственного гнета, но и выработку альтернативных идей и норм. В современной России, прошедшей через спорадические перемены вследствие ослаблений контроля «сверху», но оказавшейся в итоге под влиянием заново отстроеной вертикали власти, отнесение распада советской системы к заслугам разных циклов разномыслия представляется обоснованным лишь частично. Гораздо более значимым является осознание утраты потенциала разномыслия, которое заявляло о себе гораздо сильнее в предшествующие времена и эпохи, аккумулируя идеи, будоражившие в недавнем прошлом все общество. Невольно напрашивается вопрос: как случилось, что «заряды», заложенные в стены советского общественного устройства и «рванувшие» в середине 1980-х гг., не привели ни к воцарению иной реальности, ни, что важнее, к формированию новой системы ценностей, разделяемых всем социумом?

Вторая тема программы конференции — «*Разномыслие поколений*». Ее обсуждение началось с доклада **Олега Журавлёва** (Москва) «**Студенты, научная инновация и политическая функция комсомола: физфак МГУ в 1950–1960-е годы**», в котором автор проанализировал малоизвестные факты и события². В октябре 1953 г. в МГУ проходила ежегодная комсомольская кон-

² Редколлегия сборника, заинтересованная в тщательном исследовании «случая в МГУ», решила включить в сборник полную версию всех событий, подготовленную автором доклада (самым молодым участником конференции), считая, что анализ «случая» помогает искать ответ на вопрос о том, почему современные студенческие протесты не приводят к необходимым результатам.

ференция студентов-физиков. После докладов «по общим вопросам» несколько студентов выступили с резкой критикой в адрес руководства факультета. Они предложили составить письмо о недостатках обучения и мерах по изменению ситуации к лучшему, направив его в ЦК КПСС. Предложение было поддержано большинством студентов, несмотря на уговоры и угрозы со стороны преподавателей. В декабре того же года факультет проверила комиссия ЦК КПСС. В итоге декан факультета был отстранен от должности, а значительная часть требований студентов — удовлетворена, тем более что с критикой работы факультета еще до описываемых событий выступили крупные ученые-физики.

В докладе **Елены Здравомысловой** (Санкт-Петербург) *«Культурный андеграунд 1970-х: ленинградское кафе “Сайгон” глазами завсегдадая и исследователя»* были представлены результаты исследования так называемой сайгонной культуры. Ее расцвет пришелся на 1970-е гг. Базой исследования являются 25 глубинных интервью с завсегдадаями кафе и членами их семей, а также тексты «сайгонной литературы» (мемуары, статьи, эссе, стихи, автобиографические заметки). Автор реконструирует образ жизни «сайгонной» публики, анализирует ее отношения с миром официальной идеологии, профессиональных достижений, социалистической экономики и советского быта. Добровольное отчуждение от советских практик предполагало формирование социальной среды, ценностями которой были не только неприятие (отрицание) советского, но и попытки трансгрессии — переходы в другую культуру, экономику, в другой мир семейных отношений. Дистанцирование от советских образцов сочеталось с богемным образом жизни, самодеструктивными практиками, которые оказались нелегким испытанием для самих «сайгонистов» (в том числе автора доклада).

Елена и Дмитрий Травины (Санкт-Петербург) в своем докладе *«Разномыслие как предпосылка перестройки»* обосновывают (исходя из трактовок перестроечной эпохи: экономической, внешнеполитической и ментальной — последней авторы отдадут предпочтение) четыре принципиальных момента, сформировавших внутреннюю готовность определенной части общества к перестройке. (1) Безусловный крах коммунистических идей в сознании поколе-

ния «семидесятников» — тех, кто вошел в сознательную жизнь после сворачивания хрущёвской «оттепели». (2) Наличие достаточно полной, несмотря на железный занавес, информации о западной альтернативе советской системе. (3) Появление частного (приватного) пространства для формирования разномыслия в результате ускорения жилищного строительства. (4) Потребность в идентификации с сильными и яркими лидерами, в роли которых никак не могли выступать руководители КПСС и советского государства времен так называемой пятилетки похорон правительства. Общество, презиравшее собственных лидеров, готово было позаимствовать из-за рубежа любые рецепты, способные приблизить страну к обществу потребления, которое наглядно демонстрировалось на экранах кинотеатров.

В докладе **Михаила Рожанского** (Иркутск) **«Разномыслие в условиях добровольной несвободы: поколение советских идеалистов»** феномен разномыслия рассмотрен как сложный путь преодоления зависимости от советских идеалов и в то же время как путь развития этих идеалов, что позволило автору представить через динамику «советского идеализма» трансформацию разномыслия различных поколений. Принадлежность к поколению, а не просто возрастной когорте — символический капитал, и это чувство не ушло вместе с «ифлийцами» тридцатых, гражданской лирикой шестидесятых и даже с Советским Союзом. Вопрос, «заброшенный» по просьбе автора в *Живой Журнал* (Интернет): «Какое поколение можно считать последним советским поколением?», вызвал борьбу респондентов разных возрастов за право принадлежать к последнему советскому поколению. В их комментариях отчетливо прослеживается драматизм собственной судьбы, связанной с судьбой своего поколения как носителя «советскости». Значения, которые употребляются для понятия «поколение» в научной, публицистической и художественной литературе, использованной в докладе, существуют и как маркеры, позволяющие увидеть поколения взглядом «из истории», и как смыслы, важные для человека, родившегося в определенное время и придающего времени своего рождения сущностное содержание. Работа с дневниками, воспоминаниями и интервью помогла обнаружить контраст между ценностями, усвоенными в пору первичной социализации, и ценностями, приобретенными под влиянием социальных условий вторичной социализации.

«Культурные пространства разномыслия» — таково название *третьей* темы конференции. На пленарном заседании были оглашены тезисы доклада **Андрея Здравомыслова** (Москва) «**О теоретическом плюрализме в социологии**»³, возможность и необходимость которого самым воинствующим образом опровергается рядом представителей нынешнего академического сообщества. Плюрализму в этих случаях противопоставляется *монизм* как некий священный принцип. Потому есть смысл еще раз обозначить основные источники плюрализма в социологической теории. Ими являются, во-первых, многослойность, точнее, мозаичность социальной реальности; во-вторых, наличие социологических традиций в самом теоретическом мышлении; в-третьих, значение теоретического плюрализма, истекающее из особенностей связей тех или иных социологических теорий и направлений с комплексами гуманитарного мышления; в-четвертых, факт, согласно которому теоретический плюрализм истекает из многообразия интересов, стимулирующих социологический поиск, в том числе из широты спектра «партийных» точек зрения. Во всяком случае, российскому социологу приходится учитывать наличие противоположных политических ориентаций, сложившихся в обществе, и преодолевать их в своей исследовательской практике. В настоящее время это представляется условием самосохранения социологии как области научного знания, исследований, преподавания.

Борис Дубин (Москва) в докладе «**1970-е годы как этап и предмет социологической работы Юрия Левады**» предложил обобщенную реконструкцию социологического замысла Левады, как он был сформулирован в его статьях, относящихся к середине 1970–середине 1980-х гг. Но вместе с тем докладчик сумел по «свежим следам» связать наследие Левады с позднесоветским «разномыслием». Условные семидесятые годы (по Леваде, это 1968–1985 гг., с выделением отрезка времени между началом выпуска неподцензурной «Хроники текущих событий» в 1974-м и высылкой А. И. Солжени-

³ Болезнь помешала Андрею Григорьевичу Здравомыслову приехать в Санкт-Петербург и выступить со своим докладом на пленарном заседании конференции. 29 июня 2009 г. автор ушел из жизни. Тезисы его доклада стали последней прижизненной научной публикацией этого выдающего ученого, одного из основателей социологической науки в нашей стране.

цына из СССР в 1982-м) выступили хронологической рамкой исследований Левады-теоретика и одновременно предметом его анализа. Это — *социология семидесятых годов* в том смысле, что она и создавалась в указанные годы, и изучала советское общество данного периода, точнее — предлагала теоретическую рамку и понятия для такого анализа. Из вопросов же, дебатировавшихся ораторами в первый день конференции, Дубин выбрал три, как ему показалось, основных и сквозных для многих выступлений: границы разномыслия и соответственно пределы возможной реформируемости советского общества на поздней фазе его существования (собственно 1970-е–первая половина 1980-х гг.); факторы, приведшие к развалу СССР в начале 1990-х; причины того, что реформы не пошли дальше, а оказались прерванными к середине и во второй половине 1990-х гг.

Доклад **Ивана Сулова** (Саратов) **«Разномыслие в перестроенной массовой культуре: анализ кинорепрезентации»** был построен на анализе произведений киноискусства путем представления визуальной реальности в качестве культурного конструкта, подлежащего «чтению» и интерпретации. Объектом исследования выбран фильм «Убить дракона» (1988) — своеобразный взгляд «шестидесятников» на советскую действительность. Анализ кинорепрезентаций погружен в контекст традиционных исторических источников (мемуары, тексты самиздата, статьи в периодических изданиях). Продукт киноиндустрии рассматривается в качестве свидетельства ментальных установок эпохи застоя. Фильм «Убить дракона» становится источником реконструкции либерального дискурса шестидесятников, в котором зашифрованы идеологические послылы. Трагическая пародия (снятая по мотивам пьесы-сказки Е. Шварца «Дракон», написанной в 1943 г.), в отличие от предыдущих «мирных» фильмов М. Захарова, оказалась неприкрытой идеологической бомбой, прицельно «сброшенной» на символическое пространство советского человека.

Дарья Димке (Санкт-Петербург) в своем докладе **«Возникновение разномыслия в советской педагогике конца 1950–начала 1960-х годов как результат изменения советской законодательной системы»** остановилась на разномыслии в публичной сфере. Здесь, по мнению докладчика, разномыслие было не столько «разговорным» и камерным (приватным, кухонным), сколько прак-

тическим и вышедшим на поверхность общественной жизни, поскольку опиралось на изменяющиеся педагогические практики. Время его возникновения — начало 1960-х гг. Среда, где оно пустило свои корни, — подростковые внешкольные клубы и отряды. Причина и стимул для возникновения — принятие Закона о связи школы с жизнью (1958), который «разрешил» принимать молодых рабочих на должности школьных пионерских вожатых, а также Закона о борьбе с тунеядством (1961). Один из результатов появления новых законов оказался «вне регламентным». Непрофессиональные педагоги, общественность в лице молодых рабочих, включаясь в воспитательный процесс, создавали в своих подростковых коммунах отношения и нормы, контрастирующие с отношениями и нормами, которые были характерны для советских школ того времени. Постепенно все более широкий круг людей осознавал новую структурную возможность — наличие пространства, где безнаказанно могли развиваться воспитательная деятельность и досуг, неподконтрольные напрямую школе и комсомолу.

Отправная точка доклада **Мэри Маколи** (Лондон) *«Говорить и действовать: политический дискурс России (1989–1992)»* состояла в том, что после крушения коммунистической системы в России возникла какофония мыслей. Корни этого необыкновенного социального явления связаны с особым типом взаимодействия официальной идеологии, разномыслия и групповых отношений (или социальных идентификаций граждан), возникших в поднесоветское время. Самым главным в этом взаимодействии и его наследии стала неструктурированная (хаотичная) система социальных идентичностей. Какофония мыслей отражала новую социальную реальность, фактически и одновременно способствуя росту неопределенности (энтропии) ее состояний. На основе анализа позднесоветской системы и материалов, которые собирались в начале 1990-х гг. в ходе исследовательского проекта об изменениях политической системы в российских регионах, автор предлагает «взгляд со стороны» на эту сложную тему.

В докладе **Александра Даниэля** (Москва) *«Диссиденты и творчество. Художественный андеграунд на фоне литературного инакомыслия»* была рассмотрена историческая логика раз-

вития художественного нонконформизма в СССР в сопоставлении с литературным диссидентством. Оттолкнувшись от «истории с Манежем», докладчик показал, что к тому времени для большинства участников этой злополучной выставки диссидентский образ жизни был уже вполне естественным и привычным. На следующем витке творческая независимость автоматически привела художников-диссидентов к «выпадению» из механизма МОСХовского распределения творческих заказов. Это обстоятельство повлекло за собой одно важное следствие: более ранние и более тесные, чем у других диссидентских отрядов, контакты с иностранцами, в основном с дипкорпусом и журналистами. Затем художники стали уезжать. То же самое в массовом порядке повторила творческая интеллигенция в целом лишь в конце 1980–начале 1990-х гг. Прежняя, диссидентская модель отношений с обществом стала для художников неактуальной лет на десять раньше, чем для остальной творческой интеллигенции. А новая не просматривалась. В таком положении вот уже восемнадцать лет находится вся российская культура.

Итог первым докладам подвел **Николай Копосов** (Санкт-Петербург), выступивший в роли дискутанта. В частности, он затронул, вероятно, самый важный вопрос изучения советского общества: были ли в его истории сколько-нибудь продолжительный период, который мог бы быть назван периодом тоталитаризма? В какой-то момент мы стали с увлечением описывать советское общество в этих терминах, потом усомнились в правомерности модели тоталитаризма в целом. Докладчики сформулировали две противоположные позиции по этому вопросу: с одной стороны, говорилось, что в СССР всегда были люди, мыслявшие самостоятельно, так что официальная идеология далеко не всех «пронизывала до костей»; с другой стороны, было высказано мнение, что в период 1930–середины 1950-х гг. эта идеология была очень влиятельной, так что применительно к этому времени можно говорить об очень высокой степени «тоталитарности» советского общества.

К проблеме границ, в рамках которых категория (термин) «разномыслие» сохраняет свое аналитическое значение, обратился **Олег Паченков** (Санкт-Петербург), подводя итоги обсуждения, по-

священного культурным пространствам разномыслия. Если мы хотим использовать этот термин для чего-то большего, чем просто указание на то, что в обществе существует несколько разных способов мыслить (что представляется дискуссантам довольно банальным утверждением), мы должны признать, что разномыслие как феномен закончилось в период перестройки — вместе с концом тоталитарного советского общества. Когда множественность способов мышления и точек зрения стала в обществе доминирующим принципом, основным модусом общественного бытия, то обсуждаемое понятие потеряло познавательный потенциал, став тавтологичным и пустым. Использование этой категории для описания постсоветской России привело бы к ее девальвации, выхолащиванию, размыванию ее границ и тем самым снизило бы ее объяснительные возможности. Разномыслие актуально для описания того общества, которое существовало в СССР.

Важными для понимания разномыслия были выступления-реплики **Николая Вахтина** (Санкт-Петербург). В частности, он поставил вопрос о том, что в современной России нет регистра настоящей публичной речи. Это в принципе сдерживает развитие разномыслия, затрудняя обмен мнениями между согражданами в процессе их повседневного общения. Чтобы этот регистр создать, нужно много, публично и искренно, с разных позиций, говорить и спорить на волнующие людей темы. Очевидно полезный в этом исключительно серьезном деле инструмент — телевидение, в том числе ток-шоу, на которые нужно звать (пусть с явным ущербом для рейтинга!) тех, кто способен минут 30 подряд говорить иначе, рискуя, что его не поймут, но надеясь рано или поздно создать русский публичный регистр и обучить ему население. Правда, шансы добиться этой цели в ближайшие годы маловероятны.

Наконец, выступление **Сергея Штыркова** (Санкт-Петербург) в конце конференции стало своеобразным вкладом в коллективные попытки прийти к консенсусу о том, что следует понимать под разномыслием. По его мнению, существует одна область, в которой термин «разномыслие» принят давно и употребляется с точным значением: это православное сообщество. Разномыслие здесь — это «разброс мнений в пределах допустимого», когда существуют некий

канон и варианты в пределах канона. Выходя за пределы допустимого, церковное разномыслие превращается в ересь. Впрочем, «ересь» — тоже термин с точным значением, которое устанавливает Собор, вынося решение по поводу того или иного разногласия. Пока такого решения Собора нет — имеет место разномыслие; если Собор принял решение — отвергнутая им позиция превращается в ересь. Возможно, полезно заимствовать именно такое понимание термина: советское разномыслие — это спектр мнений в пределах допустимого в СССР; выход за пределы допустимого — уже инакомыслие.

На этом я хотел бы закончить краткий обзор всего, что было высказано участниками научной конференции «*Разномыслие в СССР и России (1945–2008)*». Как ответственный редактор материалов сборника, я выражаю надежду, что содержание предлагаемой публикации заинтересует читателей и станет поводом для продолжения дискуссии о прошлом и настоящем разномыслия нашего общества.